

● Набран код в подъезде, приготовлены цветы. Поднимаюсь на второй этаж (по-шведски — первый), звоню. Открывает сама хозяйка. Небольшого роста, худенькая, аккуратная, удивительно подвижная — а ведь ей идет девятый десяток! Мудрые светлые глаза в сеточке смешливых морщинок. Короткая стрижка. Дружелюбная улыбка.

Астрид Линдгрэн. Знаменитая шведская писательница живет одна, но в ее большой квартире — явные следы постоянных посещений и взрослыми, и детьми. Хозяйка дома только что вернулась из Москвы, где шведский театр показал на сцене МХАТ инсценировку ее книги «Братья-Львиное сердце».

— Замечательная была поездка, — говорит писательница. — Судя по всему, публике постановка понравилась. А нам очень понравилась московская публика. Особенно дети — живые, свободные, рассуждающие.

Не хочется разубеждать специалистов по детским душам — она видела, конечно, то, что в наших детях действительно есть. Но ведь правда и то, что многие из естественных для ребят черт сейчас приходится сплошь и рядом вывозить из-под вериг мундирной охранительно-запретительной педагогики. Собеседница продолжает чуть лукаво:

— Один раз я была на встрече с маленькими русскими читателями в какой-то библиотеке. Много было детей, много вопросов. Говорили и о Карлсоне, который обитает на крыше. Ребята были смущены — чем же, мол, все-таки живет Карлсон, какая у него основная профессия? Я им говорю: он может, например, работать сторожем-привидением в универсаме. А они: нет, чтобы туда поступить, надо трудовую книжку с последнего места работы. Но другие заспорили: он же живет в капиталистической стране, там все по-другому...

— Вы ведь не впервые были в Советском Союзе?

— Нет, конечно. И у меня там много хороших знакомых. Например, Наталия Сац. Какой замечательный детский театр она построила! Да, просто замечательный.

— И другие были интересные встречи, — продолжает А. Линдгрэн. — У вас стало веселее, свободнее — я сама это заметила, да и многие мне об этом говорили. Люди у вас теперь высказываются охотнее, смелее.

— Фру Линдгрэн, вы, конечно, знаете, что ваши книги у нас очень популярны, причем давно. Их читали и читают и дети, и взрослые. Ваши герои всегда были смелыми, самостоятельными, предприимчивыми. И, быть может, по-своему помогали целым поколениям наших детей и подростков учиться смотреть на мир непредвзято, своими собственными глазами.

— Что же, я рада, коли так, хотя никогда не задавалась целью на кого-то как-то сознательно воздействовать, воспитывать. Единственное, на что я смею надеяться, — так это на то, что мои книги, может быть, хоть чуточку помогут воспитанию у детей, которые их читают, доброжелательности к людям и к самой жизни, а также демократического восприятия мира.

Порой меня спрашивают: черпаю ли я вдохновение в общении со своими детьми и внуками? Всегда отвечаю, что ни один ребенок так много мне не подскажет, как тот, которым я сама была когда-то. Тем более что в любом человеке все время живут все его возрасты...

Сказать, что А. Линдгрэн, автор более тридцати книг, не считая сценариев и постановок, пользуется в Швеции всеобщим уважением, значит ничего не сказать. Ее любят здесь все — от мала до велика. И признают даже в тех кругах, которые поначалу поеживались и «впадали в сомнение» — правомерна ли такая, как в ее книгах, раскованность, свобода и самостоятельность самых молодых поколений. И позволительно ли так вообще писать о детях. Совсем не удивляет поэтому такой факт из биографии А. Линдгрэн: послав в 1944 году в издательство рукопись книги о проказливой, своевольной Пеппи, писа-

тельница выразила надежду, что там «не поднимут тревогу и не сообщат в управление по делам детей» — вот, мол, какие взгляды проповедует женщина, у которой собственные сын и дочь! Как она, спрашивается, может их воспитывать?

Постепенно стало, однако, ясно, что такие современные взгляды на воспитание детей и молодежи, да и сама эта молодежь по-своему способствовали созданию в стране устойчивого демократического климата, по-

газете, потом переехал в Стокгольм, выучилась на секретаря, поступила в контору, вышла замуж, родила сына и дочь. Обычно меня спрашивают — как я начала писать. Всерьез заниматься этим я вовсе не хотела. Подтолкнул, быть может, случай. В 1941 году, когда дочке было семь лет, она долго болела, и, чтобы ее развлечь, я рассказывала ей разные истории. Однажды Карин вдруг сказала: «Расскажи о Пеппи-Длинныйчулок!» Она явно придумала это имя «с ходу», но я включилась в игру. Имя было странное, и героиня получилась соответственная. Потом дочь и ее друзья несколько лет то и дело требовали вновь и вновь рассказывать о Пеппи. Наконец, я как-то застенографировала все, что придумалось, и получилась целая книга. Сперва издатели ее отвергли, но потом она все же

НАШ ЗАРУБЕЖНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Астрид

ЛИНДГРЕН:

«СТАРАЮСЬ БЫТЬ ОПТИМИСТКОЙ»

Правда, 1989, 10 фев., с. 6.

стоянного поиска путей наращивания элементов социальной справедливости и обновления общественно-экономических механизмов.

В конце минувшего года крупнейшая в Скандинавии стокгольмская газета «Дагенс нюхетер» посвятила целую страницу рассказу о новых фильмах, которые сейчас ставятся в Швеции сразу шестью режиссерами по рассказам и сценариям писательницы. Шапка над всей страницей была: «Астрид Линдгрэн — в наших сердцах». Один из режиссеров, Стаффан Йотестам, подчеркнул непреходящую актуальность тематики и направленности творчества А. Линдгрэн.

— Вряд ли случайно, что она выросла на шведской почве, — говорил он. — Пятидесятые и шестидесятые годы «открыли» всем глаза на детей и подростков, создали благоприятную атмосферу для их взросления. Но сейчас надо заботиться о сохранении того, что у нас выросло. Иначе мы можем утратить то, что составляет содержание человеческой личности.

— Что у нее самое главное, — вторил ему его коллега Магнус Нанне, — так это ее основополагающий гуманизм, нежелание мириться с несправедливостью, стремление добиваться хотя бы своеобразного «баланса» между добрым и недобрым.

Это, конечно, далеко не исчерпывает феномен А. Линдгрэн. А ее оптимизм, ее юмор, ее способность радоваться и печалиться вместе со своими персонажами, видеть в жизни как светлые, так и темные стороны? Эти черты, как можно понять из рассказа самой писательницы, уходят корнями в детство, в семью сельского арендатора, отца четверых детей.

— Отец был у нас удивительный, самый добрый в мире, — говорит А. Линдгрэн. — Это ему мы прежде всего обязаны тем, что росли совершенно свободно. Но была и ответственность, приходилось и детям работать. Никто не заставлял нас, конечно, надирать, но делали все, что надо было, скажем, по дому.

Жили мы неподалеку от маленького городка Виммербю, в провинции Смоланд. После школы я стала работать в местной

была напечатана и имела большой успех. Так и пошло. Стенография мне и сейчас помогает, я сперва все фиксирую скорописью, а потом уж перепечатаваю. Пишу только о том, что хорошо знаю, тем более что детство по-своему продолжается — во внуках, их у меня семь, и вот теперь в правнуках. Можно сказать, что я пишу, чтобы доставить удовольствие ребенку, который еще сидит и во мне, ну и, конечно, другим детям. Как пишу? Не ставя никакой особенной цели, не проповедуя никаких специальных идей. Я не знаю ответа на вопрос — какой должна быть хорошая детская книга.

— Фру Линдгрэн, судя по вашим произведениям, вы — оптимистка?

— Пытаюсь быть. Но это в наше время нелегко. Порой просто охватывает отчаяние — ведь в мире столько зла, ненависти, нетерпимости. Миру очень не хватает настоящего мира. И спокойствия. А ведь страдать от этого буквально все. Если бы люди могли стать более терпимыми, относиться друг к другу с большим дружелюбием! Все мы любим свою собственную страну, но ведь существует и большой, общий для всех мир. А кое-кто до сих пор видит его как-то упрощенно, по-детски...

— Вообще-то дети порой судят более трезво...

— Это бывает, верно. Но терпимости миру все же не хватает...

Прощаюсь с А. Линдгрэн. Извиняюсь, что оторвал ее от работы — «на ходу» новые книги и сценарии.

— В последние годы я больше пишу для экрана, а не для издательства, — говорит она. — Конечно, снимают фильмы и без меня — вот в США недавно вышла «Пеппи», а в СССР — «Мой Мио»...

Известность писательницы шагнула далеко за пределы Швеции. Вот уже много лет ее видение мира расходится через ее героев по всему свету. Время, конечно, меняет этот мир — в том числе и у нее на родине.

Ю. КУЗНЕЦОВ.

(Соб. корр. «Правды»). Стокгольм, февраль.